

У ИСТОКОВ МЕЗОЛИТОВЕДЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОДХОДЫ БЕЛОРУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1920–1940-х гг.¹

А. В. Колосов

кандидат исторических наук, доцент, докторант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена рассмотрению основных концептуальных подходов, сложившихся в белорусской археологии в 1920–1940-е гг. относительно мезолита Верхнего Поднепровья. Основной акцент сделан на рассмотрение работ К. М. Поликарповича, с именем которого связывают открытие значительного числа мезолитических памятников и введение в научный оборот самого термина «мезолит». Рассмотрена эволюция взглядов ученого на мезолит Верхнего Поднепровья в контексте понятий о микролитической индустрии, памятниках мезолитического типа, стадийном развитии культур мезолита / эпипалеолита.

Ключевые слова: мезолит, эпипалеолит, Верхнее Поднепровье, микролитическая индустрия, стадийный подход, К. М. Поликарпович.

Введение

В историографии белорусской археологии межвоенный период исследований воспринимается как очередной этап накопления и осмысления полученных материалов. В оценке работ по мезолиту Беларуси 1920–1930-х гг. делается однозначный вывод о заимствовании подходов в изучении эпохи с опорой на малоинформативные источники [1, с. 8; 2, с. 42–45]. Это значительно сужало кругозор белорусских ученых и вело к известному упрощению понимания исторических процессов, наблюдавшихся в мезолите. Его выражением стали схематизм, обращение к универсальным законам развития культуры, которые традиционно в нашей историографии связываются с господствовавшим в межвоенные годы стадийным подходом [2, с. 42–45].

Этот подход можно проследить по работам К. М. Поликарповича, с именем которого связывают открытие значительного числа мезолитических памятников и введение в научный оборот самого понятия «мезолит»

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта БРФФИ «Мезолитоведение Верхнего Поднепровья: источниковая база, этапы развития, ключевые проблемы» (№Г23ИП-018).

[3; 4]. Вместе с тем, как показывает анализ публикаций 1920–1940-х гг., предложенная К. М. Поликарповичем схема развития мезолитических культур в духе концепции стадийности появилась не на пустом месте. Она иллюстрирует позицию данного автора только на определенном этапе исследований, четко обозначившемся в первой половине 1930-х гг. Не останавливаясь на подробной характеристике методологии межвоенного этапа исследований, истории изучения мезолитических памятников, предлагаем обратить внимание на то, как в целом в научной археологической среде 1920–1930-х гг. складывались представления о мезолите Верхнего Поднепровья и какую роль они сыграли в развитии белорусского мезолитоведения в последующие годы.

Основная часть

Понятие о мезолите Верхнего Поднепровья пришло во второй половине 1920-х гг. К тому времени в советской науке сложилось достаточно четкое понимание, что между палеолитом и неолитом существует некий переходный период, связанный с микролитизацией кремневых орудий [5, с. 311–338; 6]. Дальнейшее развитие этой идеи [7] привело к введению в научный оборот термина «мезолит». Естественно, на этапе становления мезолитической проблематики все эти теоретические разработки не могли не учитываться белорусскими учеными. Для обоснования мезолита белорусская археология нуждалась в соответствующей базе источников. Верхнее Поднепровье в этом плане представляло собой *terra incognita*. Материалы, полученные предшествующим (дореволюционным) поколением исследователей, ограничивали возможности в решении назревших вопросов.

В результате экспедиций, организованных научными археологическими учреждениями в БССР, были открыты новые горизонты для изучения мезолита страны. Наиболее плодотворными среди них оказались работы К. М. Поликарповича, которому за три полевых сезона

(1926, 1927, 1928 гг.), проведенных в бассейне Сожа, удалось обнаружить несколько сот разновременных памятников, в том числе и мезолитической эпохи [8–11]. Именно экспедиционные материалы 1926–1928 гг. стали отправной точкой в формировании представлений о мезолите региона.

В первой сводной публикации результатов работ в среднем и нижнем Посожье за 1926 г. К. М. Поликарповичем было введено понятие о «микролитической индустрии» [8]. Последняя в принятой систематике описания материалов четко заняла положение раннего (донеолитического) этапа [8, с. 130–131]. Столь древний возраст «микролитической индустрии», по мнению К. М. Поликарповича, подчеркивало наличие патины на кремневых находках [8, с. 131].

Специфику «микролитической индустрии» характеризовали орудия определенного типа. По данным К. М. Поликарповича [8, с. 130–131], это были: 1) черешковые наконечники из пластин, у которых «обработан ретушью только стерженёк (ножка) и затрунут ретушью один из краев, около самого конца»; 2) скребки концевые на пластинах; 3) пластины со скошенным концом; 4) пластины «со сбитым краем»; 5) редкие находки двойных скребков и резцов. Как видим, одной из характерных черт памятников «микролитической индустрии» являлась пластинчатость орудий.

Таким образом, в 1928 г. К. М. Поликарпович в каменном веке Посожья, учитывая прежде два периода – палеолит («период отбивного камня») и сменявший его неолит («период полированного камня») [12], выделил еще одну группу памятников со специфическим набором орудий из кремня.

В публикациях К. М. Поликарповича начала 1930-х гг. идея о микролитической индустрии получила новый импульс развития: теперь с полной уверенностью ее автор говорил о новых находках «мезолитического типа» [9]. Произошло очевидное замещение понятий: прежнее формальное определение «микролитической индустрии» в начале 1930-х гг. уступило свое место понятию, выделенному по хронологическому признаку. Здесь К. М. Поликарпович четко следовал появившемуся в советской археологии конца 1920-х гг. взгляду о необходимости выделения мезолитической эпохи [7].

В начале 1930-х гг. К. М. Поликарпович предпринял попытку определения относи-

тельного возраста памятников. Еще на этапе рассмотрения «микролитической индустрии» ученый обратил внимание на особенности типологического состава кремневого инвентаря отдельных стоянок. Так, полное отсутствие наконечников стрел и широкое распространение резцов на стоянке Коромка, осмотренной К. М. Поликарповичем в 1927 г., позволило отнести данный памятник к «более ранней ступени этой культуры» [8, с. 131]. Теперь же, кроме факта патинизации орудий из кремня, указывающего на явно более ранний возраст мезолитических стоянок, было обращено внимание и на особенности их топографии. В сравнении с поселениями более поздних эпох (неолит, бронзовый век) мезолитические стоянки, как отмечал К. М. Поликарпович, приурочены к верхней террасе [9, с. 385].

Свое развитие эти наблюдения К. М. Поликарповича получают в послевоенный период, особенно в 1970–1980-е гг., в связи с разработкой концепции локального (местного) мезолита [13–16]. Но ее симптоматика проявилась еще на этапе выделения памятников «мезолитического типа». В тех же работах К. М. Поликарповича начала 1930-х гг. просматривается тенденция обоснования культурного единства на основе поиска аналогий среди местных материалов. Поэтому не удивительно, что в описании находок из кремня некоторых стоянок можно встретить типы орудий с названиями местных памятников. Например, «орудие типа урочища Мел», «резец типа урочища Мел», «ударное орудие сожского типа», «тип острия ДС 1926»¹ и т.д. [9, с. 477; 11, с. 63–64, 77, 79]. Традиция выделения «местных» типов на уровне артефактов и на уровне отдельных памятников и культур будет продолжена в послевоенные годы (например, «наконечники гренского типа», «вкладыши типа Михайловка», «памятники типа Баркалабово», «сожская культура» и т.д.) [15; 16].

На начальном этапе исследований при слабой разработанности мезолитической тематики, весьма ограниченной базы источников другого выхода у К. М. Поликарповича и его современников в использовании местных аналогий, видимо, не оставалось. С другой стороны, выделение локальной специфики уже на уровне типов орудий создавало почву для развития представлений об автохтон-

¹ Обозначение «ДС 1926» дается с отсылкой к статье «Дагістарычныя стаянкі... (Па досьледах 1926 г.)» [8].

ном происхождении культуры. Вскоре станет очевидной идея о полной культурной преемственности выделенных в мезолите стадий и отсутствии каких-либо влияний на них извне [3, с. 221].

Этот взгляд получил свое развитие во время подготовки К. М. Поликарповича к I Всесоюзному съезду археологов. Его основные положения были опубликованы во втором томе «Прац» (1932) [3], а затем продублированы в 1934 г. в статье, размещенной в «Трудах II Международной конференции АИЧПЕ» [4]. Именно эти две работы характеризуют парадигму исследований межвоенного времени, в основе которых лежала заимствованная и в целом упрощенная схема стадияльного развития мезолитических культур. Обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, была проведена группировка материалов, которая позволила, с одной стороны, определить место мезолитических памятников в стадияльном пространстве, с другой – рассматривать мезолит как отдельный этап исторического развития, что было закреплено К. М. Поликарповичем в названии статей [3; 4].

Во-вторых, специфика выделенных групп памятников в рамках той или иной стадии конкретизировалась характерным набором орудий. Ранняя «эпипалеолитическая» стадия (ее представляли стоянки Гренск, Коромка, Латки, Столбун, Печенеж) связывалась с находками наконечников стрел «со стерженьком» (тип Font-Robert), резцов, скребков «на конце узких пластинок» и скребков высокой формы [3, с. 220; 4, с. 84]. Сменившую ее стадию тарденуаз отличал микролитический облик кремневых находок, среди которых отмечалось появление «трапецевидных форм наконечников стрел и небольших острий в виде пластинок со сбитой стороной» [4, с. 84]. Граница распространения тарденуазских микролитов простиралась до линии Брянск – Чериков – Новый Быхов – р. Друть и далее она уходила на запад в сторону Виленщины [3, с. 220; 4, с. 84]. Заключительная стадия кампиньи (Журавель, находки около Чечерска и Нового Быхова) была связана с формированием культуры макролитического облика, для которой характерны орудия типа «овальный пик... транше... массивные резцы» [4, с. 84]. Не исключалось присутствие памятников культуры маглемозе [3, с. 220; 4, с. 84].

Следует обратить внимание на абсолютно разные подходы в таксономическом определении памятников. В тезисах 1932 г. мезолит

БССР рассматривался в рамках понятия о смешении культур (эпипалеолитической, тарденуазской, кампиньи, маглемозе). Однако в 1934 г. слово «культура» К. М. Поликарповичем выводится из употребления и заменяется более нейтральными понятиями о памятниках «эпипалеолитического облика», «типа тарденуаз», «типа кампиньи» и т.д. [4, с. 81–84]. Вскоре из публикаций исчезнет и само понятие «мезолит». Оно уступит место термину «эпипалеолит», укоренившемуся в советской археологии вплоть до начала 1950-х гг. Мезолит как отдельная эпоха не вписывался в систему стадиялизма с его идеей о резких переходах (скачках) между стадиями. Приставка «эпи-» (после, конечный), дополнявшая слово «палеолит», была призвана показать завершение одной эпохи (в данном случае палеолита) накануне ее перехода к другой (неолиту).

Об этом красноречиво свидетельствует вышедшая в 1940 г. статья К. М. Поликарповича «Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933–1935 гг.» [17]. В ней автор кратко резюмировал результаты изучения стоянки Крыжи на Западной Двине возле Витебска и отметил серию новых эпипалеолитических местонахождений на Беседи и Судости [17, с. 84, 86]. В описании материалов и в названии самой статьи, как видим, понятие «мезолит» было уже исключено. Однако важно не это.

На стоянке Крыжи впервые был использован комплексный подход в изучении материалов эпипалеолита. Он стал возможным благодаря четкому стратиграфическому положению культурного слоя, содержащего находки обработанного кремня и кости благородного оленя. Детальное изучение стратиграфии на стоянке Крыжи позволило установить ее геологический возраст, соответствовавший «анциловому времени (бореальный период)» [17, с. 86]. Были взяты образцы на пыльцу. Таким образом, на примере стоянки Крыжи был поставлен вопрос о перспективах использования данных естественных наук при определении абсолютного возраста эпипалеолитических памятников БССР – тема, которая для белорусского мезолитоведения до сих пор остается актуальной.

Еще один важный момент – это указание на стоянку Столбун (р. Беседь), отнесенную К. М. Поликарповичем к свидерской стадии. Эта стадия соответствовала выделенной прежде ранней группе памятников эпипалеолитического облика. Даже было высказано

мнение [4, с. 83] о некотором сходстве этой группы памятников со стоянками Деснинского бассейна Северной Украины, свидерской (хвалибоговицкой) культуры Польши и культуры Лунгбю (Lungby) юго-западной Прибалтики.

Вопрос о существовании ранней (свидерской) стадии в эппалеолите Восточной Европы впервые был поставлен М. В. Воеводским в 1932 г. на II Международной конференции АИЧПЕ в Ленинграде [18]. По мнению ученого, свидерскую стадию характеризовали памятники, которые в целом сохраняли верхнепалеолитический облик в типах орудий труда и способах их обработки, но с появлением некоторых новаций. Главной из них стало распространение наконечников стрел «с короткими черенками, с особой приплюснутой краевой ретушью» [18, с. 235]. Некоторые наконечники напоминали остряки типа Font-Robert.

Присутствие наконечников с «черенком», независимо от их формы, размеров и характера обработки, состава кремневого инвентаря, красноречиво свидетельствовало о связях с памятниками свидерской стадии. К числу памятников свидерской стадии М. В. Воеводским была отнесена и стоянка в урочище Гренск в Посожье. Правда, в кремневом инвентаре памятника наблюдалась некоторая специфика в формах и размерах орудий, демонстрировавших, по мнению ученого, угасание палеолитических традиций [18, с. 240].

В конце 1940-х гг. М. В. Воеводский пришел к выводу, что как таковой единой свидерской стадии не существовало, а мезолит Восточной Европы проявляет культурное многообразие [19]. Посмертная публикация статьи М. В. Воеводского «Мезолитические культуры Восточной Европы» в 1950 г. [19] стала точкой невозврата к методологии стадийного схематизма. В советской археологии начинался новый этап осмысления накопленных материалов, который окончательно закрепил за мезолитом статус отдельной археологической эпохи.

Однако не все так просто складывалось в изучении проблем мезолита для белорусской археологии. После войны К. М. Поликарпович сконцентрировал свое внимание на изучении палеолитических памятников. Кардинальных изменений в его взглядах на мезолит¹ после переломного 1950 г. не наблюдалось. Вышедшая

в 1957 г. статья К. М. Поликарповича по материалам экспедиции 1928 г. повторяла предложенную им ранее схему развития культур в духе стадийного подхода [11]. Подобный факт отражает ту объективную реальность, которая сложилась в белорусской археологии к началу 1950-х гг. Это и недостаточное финансирование исследований, сужавшее возможности в создании полноценной базы источников, и острая нехватка кадров, тормозившая развитие науки. Можно выделить также проблемы методологического плана. Например, высказанная К. М. Поликарповичем идея о территориальном разграничении памятников типа тарденуаз и кампиньи [3, с. 220; 4, с. 84] явно нарушала принцип синстадиальности и ставила вопрос о правомерности использования методологии стадийного подхода.

Заключение

Таким образом, на заре становления представлений о мезолите Верхнего Поднепровья в 1920–1940-е гг. можно отметить несколько концептуальных решений. В конце 1920-х гг. они были связаны с выделением «микролитической индустрии» и «памятников мезолитического типа», т.е. понятий, подчеркивавших автономный характер мезолита как исторической эпохи. В первой половине 1930-х гг. экспансия в советскую археологию «теории стадийности» привела к появлению схемы стадийного развития культур мезолита / эппалеолита. Она стала своего рода калькой, на которую были наложены материалы по мезолиту Верхнего Поднепровья.

Вместе с тем в межвоенные годы была сделана попытка разработки периодизации мезолитических памятников. Высказанные в этот период идеи о поступательном развитии культур, преемственности традиций вначале переместились в плоскость концепции «макро-/микролитического мезолита» 1960-х гг. [20; 21, с. 57–59], а затем были использованы при рассмотрении локального своеобразия мезолитических культур в 1970–1980-е гг. [13–16]. В рамках культурно-исторического подхода генезис отдельных культурных явлений трактовался с позиций автохтонизма. Примером последнего является концепция происхождения гренской культуры, разработанная В. Ф. Копытиным [13; 16]. Идея о культурной преемственности в мезолите Верхнего Поднепровья свое воплощение нашла во взглядах на сожскую [13; 14; 16] и днепро-деснинскую культуры [15].

¹ В самих публикациях К. М. Поликарпович продолжал придерживаться понятия «эппалеолит».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ

1. **Копытин, В. Ф.** К вопросу изучения мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин // Беларускія старажытнасці : матэр. канф. па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый. – Мн., 1972. – С. 6–12.
2. **Вяргей, В. С.** Археалагічная навука ў Беларускай ССР: 1919–1941 гг. / В. С. Вяргей. – Мн. : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
3. **Палікарповіч, К. М.** Палеоліт і мезоліт БССР і некаторых суседніх краін Верхняга Падняпроўя / К. М. Палікарповіч // Працы сэкцыі археалогіі (далее – ПСА). – Мн., 1932. – Т. 3. – С. 218–221.
4. **Поликарпович, К. М.** Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович // Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ. – М. ; Л. ; Новосибирск, 1934. – Вып. V. – С. 75–87.
5. **Городцов, В. А.** Археология. Каменный период / В. А. Городцов. – М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. – Т. 1. – 404 с.
6. **Ефименко, П. П.** Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста / П. П. Ефименко // Русский антропологический журнал. – М., 1924. – Т. 13. – С. 211–226.
7. **Рудинський, М.** До питання про культури «мезолітичної доби» на Україні / М. Рудинський // Антропология. – 1928. – Т. 1. – С. 73–94.
8. **Палікарповіч, К. М.** Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа (Па досьледах 1926 г.) / К. М. Палікарповіч // Працы катэдры археалогіі. – Мн., 1928. – Т. 1. – С. 123–252.
9. **Палікарповіч, К. М.** Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сажа. Матар’ялы абсьледваньня 1927 г. / К. М. Палікарповіч // Працы археалогічнай камісіі (далее – ПАК). – Мн., 1930. – Т. 2. – С. 383–478.
10. **Палікарповіч, К. М.** Досьледы культур каменнага і бронзавага пэрыодаў у БССР, Заходняй Смаленшчыне і Клінцоўшчыне ў 1928–1929 гг. / К. М. Палікарповіч // ПАК. – Мн., 1930. – Т. 2. – С. 505–509.
11. **Поликарпович, К. М.** Стоянки Среднего Посожья / К. М. Поликарпович // Материалы по археологии БССР. – Мн. : АН БССР, 1957. – Т. 1. – С. 45–148.
12. **Романовъ, Е. Р.** Археологический очерк Гомельского уезда / Е. Р. Романовъ // Записки Северо-Западного отделения Русского Географического Общества. – Вильна, 1910. – Кн. 1. – С. 97–128.
13. **Копытин, В. Ф.** Мезолит Юго-Восточной Белоруссии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / В. Ф. Копытин ; ЛОИА. – Л., 1977. – 24 с.
14. **Калечиц, Е. Г.** Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Мн. : Наука и техника, 1987. – 158 с.
15. **Ксензов, В. П.** Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Мн. : Наука и техника, 1988. – 134 с.
16. **Копытин, В. Ф.** Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев : МОУТ, 1992. – 86 с.
17. **Поликарпович, К. М.** Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933–1935 гг. / К. М. Поликарпович // Советская археология. – 1940. – № 5. – С. 81–87.
18. **Воеводский, М. В.** К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы / М. В. Воеводский // Труды II Междунар. конф. АИЧПЕ. – М. ; Л. ; Новосибирск, 1934. – Вып. V. – С. 230–245.
19. **Воеводский, М. В.** Мезолитические культуры Восточной Европы / М. В. Воеводский // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 96–120.
20. **Левенок, В. П.** Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении неолитической культуры / В. П. Левенок // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1966. – № 126. – С. 89–98.
21. Очерки по археологии Белоруссии / редкол.: В. Ф. Исаенко [и др.]. – Мн. : Наука и техника, 1970. – 272 с.

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Контакты: kolosov_arc@mail.ru (Колосов Александр Владимирович)

Kolosov A. V. ORIGINS OF THE MESOLITHIC STUDIES OF THE UPPER DNEIPER: RESEARCH WORKS AND APPROACHES OF BELARUSIAN ARCHAEOLOGY IN THE 1920s–1940s

The article regards the main conceptual approaches which developed in Belarusian archaeology in the 1920s–1940s and concerned the Mesolithic of the Upper Dnieper region. The main emphasis is laid on the works by K.M. Polikarpovich who contributed to the discovery of a significant number of Mesolithic monuments and introduced the term “Mesolithic” into the scientific use. The evolution of the researcher’s views on the Mesolithic of the Upper Dnieper region is considered in the context of the concepts of the microlithic industry, Mesolithic type monuments, and staged development of Mesolithic / Epipalaeolithic cultures.

Keywords: Mesolithic, Epipalaeolithic, the Upper Dnieper region, microlithic industry, staged approach, K.M. Polikarpovich.